

распространение и применение психоанализа, обучение и повышение квалификации, обслуживание амбулаторных клиник и т. д.). Исходя из целей развития индивидуального психоаналитического лечения, представленных Мертенсом (Mertens 2000, S. 127), они будут следующими:

- развитие самоаналитических способностей на уровне организации;
- продолжение и поддержание процесса развития организации;
- достижение достаточного уровня организационной и индивидуальной автономии.

К перечисленному я бы хотела добавить:

- сохранение и расширение (организационных) возможностей;
- сохранение участия членов сообщества в процессе организационного развития;
- обработку двойственных и противоречивых импульсов внутри организации;
- определение, признание и поддержание организационных границ.

Начать можно было бы со следующих мер:

- супервизия за важными органами со стороны соответствующих лиц, не являющихся членами организации, для рефлексии над организационными процессами, динамикой и структурами в их значении для организационной группы, идентичности и развития;
- регулярные мероприятия в больших группах (ежегодно) для выработки или адаптации и достижения консенсуса в отношении целей и приоритетов организации;
- согласование, управление и отслеживание стратегических целей более высокого уровня и ориентация на них при принятии практических повседневных решений в институтских органах;
- кроме того, следовало бы подумать над смещением фокуса и обособлением обучающего анализа или тренинг-анализа, как это было описано некоторыми авторами.

В то время как психоаналитические учебные заведения в своем методе работы и своем самопонимании демонстрируют

и представляют то, как можно организовать организационную жизнь целенаправленно, целесообразно и «плодотворно», кандидаты могли бы приобрести организационные знания и опыт уже во время своего обучения, что представляло бы дополнительным бонус в обучении, как для выпускников, так и для самих институтов/заведений. ■

БИБЛИОГРАФИЯ

Döring, P. (2016): Führen in psychoanalytischen Organisationen. Forum der Psychoanalyse 32/4:359–384.

Grubendorfer, C.; Schmitz, H. (2015): Ein neuer Blick auf Führung. Wie Unternehmen Führung wirksamer machen. Abruflbar unter: www.simon-weber.de; zuletzt abgerufen am: 10.09.2017.

Herrmann, A. (2014): Warum es so schwierig ist, in psychoanalytischen Institutionen gedeihlich zusammenzuarbeiten. Psyche 68/02: 97–121.

Kernberg, O.F. (2012): Suicide prevention of psychoanalytic institutes and societies. Journal of the American Psychoanalytical Association, 60: 707–719.

Lazar, R. A. (2016): Phönix aus der Asche – oder Asche auf unser Haupt? Die Rekonstruktion der psychoanalytischen Institutionen und ihre Auswirkungen. Forum der Psychoanalyse 32/4: 335–358.

Mertens, W. (2000): Einführung in die Psychoanalytische Therapie Band 1. Stuttgart: Kohlhammer.

Obholzer, A. (2000): Führung, Organisationsmanagement und das Unbewusste. In: Lohmer, M. (Hg.): Psychodynamische Organisationsberatung. Konflikte und Potentiale in Veränderungsprozessen. Stuttgart: Klett-Cotta, S. 79–97.

Pflichthofer, D. (2011): Zwischen Gesetz und Freiheit. Die Suche nach dem Rahmen und dem Objekt. Psyche 65/01: 30–62.

Wiegand-Greife, S.; Schumacher, M. (2014): Strukturelle Gewalt in der psychoanalytischen Ausbildung, Psychosozial-Verlag.

Quint, H. (1984): Der Zwang im Dienste der Selbsterhaltung. Psyche 38/8: 717–737.

Институция — неотъемлемая «третья сторона», определяющая парадигму функционирования профессионального сообщества¹

В то время как на Западе англичане, голландцы, французы, немцы, итальянцы говорят и пишут о «Любви и ненависти в психоаналитических институциях» («Hate and Love in Psychoanalytic Institutions», Jurgen Reeders, 2004), о фанатизме, расколах, сомнениях и очевидном упадке психоанализа, психоаналитики Востока, и мы вместе с ними, пройдя через определенные историко-политические метаморфозы, с надеждой спрашивают себя: как психоаналитической институции стать той необходимой и жизнеспособной «третьей стороной», которая будет сублимировать личные тревоги, нарциссическую невожденность, зависть или ненависть, или просто неспособность к адаптации, контейнируя их в институциональной среде, наполненной уважением и способной поддерживать эволюцию и независимое мышление практиков психоанализа?

Янина Мику

об авторе

Перевод с английского
Фостиропуло Х. Г.

Возможно, что мы, искренне и с надеждой, направляемся лишь к тому, что другие, уже прошедшие через эти стадии, стремятся преодолеть, испытывая неудовлетворенность результатами принятых решений?

Индивидуальный путь человека, предполагаемый практикой психоанализа, значительно короче, чем история человека в целом. Мы начинаем аналитический тренинг уже обладая собственной историей развития, набором значимых близких отношений, представлений и идеалов/идеализаций, порождаемых повторяющимися идентификациями себя с различными образцами и многообразием моделей и форм любви к объекту. Аналитическая работа неоднократно приводит нас к «диадным отношениям²», в которых мы являемся одной из двух вовлеченных в них сторон: мы и наш аналитик; затем, мы и наш пациент; мы и наш супервизор.

¹ Gianina Micu «The Institution — the necessary party that changes the paradigm of the functioning framework in the professional group». Переведено и опубликовано с разрешения автора, все права защищены.

² Здесь и далее: использование термина «диадные (диадические) взаимодействия/отношения» подразумевает лишь количество участников/вовлеченных в отношения объектов, не уточняя характер отношений. Прим. редактора

С какого-то момента, это мы и группа коллег, стремящихся к полному раскрытию себя как психоаналитиков, в соответствии с установленными критериями. На этом личное пространство и интимность отношений между двумя заканчиваются, они дополняются групповым пространством и групповыми отношениями. Новые условия, порой смущающие, угрожающие, иногда сдерживающие, но одновременно стимулирующие, соревновательные и регулирующие, подразумевают обучение в информационном и профессиональном пространстве и инициацию, посвящение в реальные и символические (интернализированные) групповые отношения.

Предполагаю, что многие из нас не задумывались о такой перспективе первоначально, выбирая профессию, подразумевающую скорее одиночество или близкие и неравные отношения, будь то терапия или обучение. Другие же наоборот были привлечены престижем самой институции и встали на длинный путь психоаналитического тренинга, подталкиваемые стремлением принадлежать к элитному профессиональному сообществу — возможно как к олицетворению Идеала Я, к которому они желали таким образом приблизиться — но как не называй, это было, прежде всего, стремление к группе.

Одиночки в связи с этим будут ощущать давящее напряжение уз близости, те же, кого привлекают групповые связи, почувствуют давящее одиночество во время долгих часов, проведенных в кабинете.

По мере обучения и принятия рамок и правил, мы знакомимся с многогранностью жизни психоаналитика. И аспекты, связанные с принадлежностью к институции³, изначально второстепенные в процессе обучения, становятся первостепенными,

³ В этой работе под «институцией» подразумевается то, что регламентирует образ жизни и способ существования людей и организаций, а под «профессиональным сообществом» — собственно сама организация. Подробнее о термине «институция» можно прочесть здесь: https://strelkamag.com/ru/article/vocabulary_institution/ Прим. редактора

как только мы вступаем в Психоаналитическое сообщество.

Психоаналитики, будучи ли пленеными смыслами и связями, берущими начало в бессознательной части их души и духа, желая ли принадлежать к светской, изолированной, независимой элите, или же вдохновленные альтруистическими чувствами, являются одними из немногих людей, чье профессиональное и человеческое развитие приумножаются шаг за шагом по мере осознания той перспективы, что привнесут в их жизнь структура, группа и институция, чье «присутствие», одновременно безличностное и нематериальное, постоянное и контеинирующее является существенным для всего процесса их профессионального и личного развития.

В психоаналитической литературе можно найти целый ряд мыслителей и авторов, труды которых посвящены «присутствию третьего», находящегося на пересечении контеинирующих отношений и метода, личности и объекта исследования, субъективности и объективности, «социальной оси» (индивидуализм/коллективизм) и «психической оси» (нарциссизм/социализм) (согласно Александров и Чичек (Alexandrov, Chichek, 2005).

Такие психоаналитики как Пирс, Огден, Грин, Бенджамин, Кавелл, Хэнли (Pierce, Ogden, Green, Benjamin, Cavell, Hanly) и многие другие говорили о концепции «третьего» или «аналитического третьего», имея в виду рамку и правила психоаналитического лечения, теоретическую базу, профессиональные сообщества, язык — то есть, все то, вокруг чего происходит взаимодействие двух протагонистов и условия их совместной работы, необходимые для достижения одного общего результата: знакомства и раскрытия бессознательного психического содержания, общей основы, прямо или косвенно разделяемой или разделяющей. Они описывают также концепцию «третьего пространства», «триангуляции», относящейся к психическому пространству, созданному тремя вовлеченными в аналитический процесс «центрами информации», два из которых являются явными и личностными, тогда как третий представляет собой трансцендентность,

Как примирить свободный и ничем не стесненный дух — декларируемые основу и цель психоанализа — и присущую этой системе дисциплину и строгость, сравнимую с духом прусской армии (Bernfeld, 1962)? Другими словами, какое место занимает институция в формировании профессиональной идентичности психоаналитика?

выход за пределы этой первоначальной диады.

Как известно психоаналитики устанавливают один из самых строгих сеттингов для проведения терапии с пациентами, предназначение которого вызывать регрессию и получить доступ к бессознательному психическому содержанию. Менее известен, однако широко распространен, тот факт, что психоаналитики с трудом устанавливают общие нормы для самих себя как для группы.

Как примирить свободный и ничем не стесненный дух — декларируемые основу и цель психоанализа — и присущую этой системе дисциплину и строгость, сравнимую с духом прусской армии (Bernfeld, 1962)? Другими словами, какое место занимает институция в формировании профессиональной идентичности психоаналитика?

Принимая во внимание время, опыт и историю, ответ на этот вопрос потребует изменения системы воззрений на позиционирование психоанализа и его влияния на общество. Несмотря на то, что ни один из периодов развития психоанализа не обходился без страстного неодобрения, характерного для того или иного времени,

сегодня мы наблюдаем, возможно, более чем когда-либо прежде, тревожный спад в восприятии и передаче психоанализа, проявляющийся через значительное сокращение его присутствия в академической среде и, возможно, что намного хуже, повсеместное представление о психоанализе скорее как о дорогостоящем, долгосрочном и не поддающимся стандартизированному документированию и, таким образом, неопределенном в том, что касается его результатов, терапевтическом методе.

В своей книге «Ненависть и любовь в психоаналитических сообществах» Юрген Ридер (р.69) отсылает нас к историографии Балинта 1948 года, описывающей три великих эпохи в развитии психоаналитических сообществ, начиная с появления психоанализа и до наших дней. Первая эпоха была инициирована в начале 20 века самим Фрейдом, и он был в ней центральной фигурой. В то время психоанализ еще не получил общественного признания, и доступ к его изучению и практике не предполагал каких-либо требований: желающий практиковать психоанализ принимался без оценивания и условий. Личный (дидактический) анализ был коротким, не было теоретической учебной программы, супервизии проводились в рамках работы малых групп первых последователей.

Шаш (Szasz), которого цитирует Ридер, говорит о том, что в тот период те, то желал практиковать психоанализ были значительно менее мотивированы славой или деньгами, в сравнении с последующими эпохами. Пионеров вела вперед чистая радость исследования и открытий, они «были более вовлечены в поиски истины, чем в преобразование ее в систему знаний: другими словами, профессионализация еще не началась» (там же, р.68).

В 1910 году, по инициативе З. Фрейда, была создана Международная Психоаналитическая Ассоциация (IPA) — первый международный профессиональный и институциональный орган.

Вторая эпоха институционализации психоанализа отмечена созданием непосредственными учениками Фрейда в качестве ответа на проблему передачи психоаналитических знаний Берлинского

психоаналитического института (1920) как первой целостной институциональной системы. Если в первый период главной заботой был поиск заинтересованных и посвящение их в основы, то основными целями второго периода стали: во-первых, распространение психоанализа как терапевтического метода и доступность психоанализа каждому путем широкого его применения в клиниках; во-вторых, не менее важной задачей стали исследования.

В обоих направлениях результаты были незначительными. Однако благодаря большому расколу между Фрейдом и его ближайшими учениками (Юнгом и Адлером), была достигнута централизация и контроль метода благодаря патерналистской и авторитарной модели передачи знаний и обучения психоанализу.

После смерти Фрейда в 1939 году появились соперничающие психоаналитические школы (сильнейшими из них стали продвигающие Эго-психологию американская и германская). Это был период многочисленных споров и конфликтов, некоторые из них были непримиримы и закончились расколами. Сначала в Англии появилась группа Анны Фрейд (Эго-психология) и Мелани Кляйн; позже, как решение для этих двух конфликтующих позиций сформировалась Средняя группа, которая сфокусировалась на теории объектных отношений. Серия расколов произошла и во Франции (главной фигурой одного из них стал Лакан). Расколы коснулись многих психоаналитических сообществ в Европе и США.

После этого процесса внутренних изменений обучение психоанализу стало более стабильным, институциональные требования к обучению и всеобъемлющие ограничения со стороны властных структур, впрочем, порой доходили до крайностей догматизма. Были установлены институциональные критерии: личный анализ стал обязательным и должен длиться как можно дольше, с фиксированным временем и минимальным порогом частоты сессий, которые должны проводиться аналитиками, допущенными вести тренинговый анализ.

Таким образом, психоанализ стал профессиональной дисциплиной, а психоаналитические институты взяли на себя

роль Супер-Эго (Reeder, 2004), что открыло новые перспективы, но также имело и тормозящий эффект в культурном и профессиональном смысле более, чем в индивидуальном. Психоаналитик продолжает оставаться свободным в своем собственном кабинете, но одновременно становится чутким и всегда бдительным к тому, чтобы не предать дух одной из самых свободных и освобождающих профессий, будучи зависимым от институции.

ИТАК, ДЛЯ ЧЕГО НАМ НУЖНЫ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУЦИИ?

В своих трудах об обществе, начиная с «Тотема и табу» (1912–1913) и продолжив эту тему в «Психологии масс и анализе человеческого Я» (1921) и «Неудобствах культуры» (1932) Фрейд широко и глубоко анализирует индивидуальную психологию с точки зрения социальной перспективы, отмечая сходство индивидуальной психологии и психологии групп. В выше-названных работах Фрейда я подчёркнула в дополнение к тем трудностям, которые влечет за собой существование в группе, несколько идей, позволившие ему найти баланс между чувством безопасности, которое дает принадлежность к группе, и компенсацией ограничений свободы и удовлетворения личных драйвов.

«Процессу культурного развития» (в сфере которого Фрейд включает развитие социальных сообществ, таких как институции) «мы обязаны всем лучшим, что мы создали, ровно как и заметной частью того, от чего мы страдаем» (Freud, p. 218). Институция, рассматриваемая в терминах Биона как «рабочая группа», подразумевает общие для участников цель и совместную деятельность, организацию и структуру, которые придают группе стабильность, согласованность и постоянство во времени. Согласно Фрейду, наличие общей цели недостаточно для сохранения постоянства, для этого существенное значение приобретают «эмоциональные связи» (между членами группы, а также их отношение к центральной авторитетной фигуре).

По его мнению, сила сообщества уравновешивает грубую животную силу

Институция утверждается как условия (сеттинг) и функционирует как третья сторона, способная преодолевать конфликтную амбивалентность, и в то же время, транспонирующая и трансперсонализирующая на психическую жизнь перспективу совместно разделяемых смыслов.

индивида, существование в обществе наделено властью «связывать» агрессивные влечения и деструктивность индивида, усмиряя ее с помощью эмоциональных связей — это неперемное условие для его (индивида) четкого и устойчивого существования («насилие будет сокрушено силой этого союза» — Freud, 1932).

Опираясь на некоторые из этих общих положений относительно психологии индивида как социального существа, продолжим начатое обсуждение о значении институции в психоаналитической практике, являющееся темой данной статьи.

Чтобы понимать и передавать знания об эмоциональной жизни человека, чему способствует психоаналитическая практика, необходимо, помимо прочего, чтобы существовала институция, то есть логически последовательная и организованная форма утверждения и выражения определенной рабочей гипотезы, метода или цели, с которыми она себя отождествляет. Институция должна быть инвестирована тем же интересом к психоаналитической теории и практике, которые она порождает.

Институция утверждается как условия (сеттинг) и функционирует как третья сторона, способная преодолевать конфликтную

амбивалентность, и в то же время, транспонирующая и трансперсонализирующая на психическую жизнь перспективу совместно разделяемых смыслов.

«Только коллективы способны на высочайшую степень бескорыстия и преданности», пишет Фрейд в 1921 г., в своем исследовании, посвященном психологии масс. Обусловленные характером ее деятельности, функции институции, являющейся по своей сути уникальной, многообразны: профессиональные терапевтические, педагогические, административные, научные, этические и общественные. Если быть более точной, необходимость и польза институции, способной интегрировать специфичные и неотъемлемые двойственности и неоднозначности, порожденные процессами в которые она вовлечена, исходит из различных направлений, характерных для психоаналитической активности:

- клинические взаимоотношения между психоаналитиком и пациентом;
- педагогические отношения кандидатов в тренинге;
- коллегиальные и профессиональные отношения между психоаналитиками, членами одного профессионального сообщества;
- профессиональное, научное и культурное сотрудничество психоаналитиков с другими профессиональными институтами и гражданским обществом в целом.

Вкратце рассмотрим каждый из выше перечисленных пунктов, а также существование институции и ее роль в отношениях и процессе, которым она конституируется.

1. Клинические отношения между психоаналитиком и анализантом характеризуются работой содержаний бессознательного, которая сама по себе способна быть, и является крайне опасной! Терапевтические отношения, обусловленные бессознательными по определению психическими движениями переноса и контрпереноса (центральной осью терапевтических отношений и процесса), находят внутри институциональных рамок конструирующее пространство для влечений. «Психоаналитический сеттинг», являясь

инструментом психоаналитика, рассматривается как правило. От начала и до конца лечения используется строгий и жесткий инструментарий «сеттинга». Понимание и сосредоточенность на его необходимости — важная неотъемлемая часть психоаналитического метода и профессиональной подготовки, как истинная «кожа»/оболочка психоаналитических отношений (в метафорическом смысле). Клинический сеттинг предназначен для защиты обеих сторон — аналитика и анализанта — также как и самого процесса, обнаруживая ценности профессиональной и человеческой этики. Минимум 3 сессии психоанализа в неделю, продолжительностью 45 минут, в течение минимум 4 лет с аккредитованным профессиональным сообществом аналитиком, получившим право обучать и проводить тренинговый анализ, минимум два года до подачи заявки на статус кандидата⁴, фиксированный график и место проведения анализа, использование кушетки, конфиденциальность, оплата пропущенных сессий — все эти правила профессиональной институции, которые подтверждают профессионализм терапевта защищают пациента и позволяют осуществлять аналитический процесс⁵.

2. Педагогические и учебные отношения. Психоанализ является одной из профессий, которой обучают особым образом, непосредственно передавая опыт экспериментирования с бессознательным через разнообразные инструменты специфичной для обучения психоанализу трех компонентной системы: личный анализ (минимум 4 года), теоретическая часть (4 года) и супервизии (два

⁴ В этом отношении Румынское Психоаналитическое Общество придерживается французской модели, устанавливая условие начала личного анализа минимум за два года до подачи заявки на поступление на учебную программу Института Сообщества.

⁵ В данной статье все описанные требования и условия являются стандартами Румынского Психоаналитического Общества, к которому принадлежит автор.

Аналитические отношения, лежащие в основе учебного процесса, по своему определению диадны, асимметричны, в них пробуждаются неожиданны интензивные чувства, с которыми порой трудно справиться.

супервизора, минимум по два года у каждого из них). Передача знаний происходит в первую очередь и существенным образом на уровне бессознательного, и конечно невозможно не учитывать влияние сознательных и предсознательных представлений, приобретенных за годы обучения. Все это вновь обращает нас к институциональным рамкам, которые способны вместить в себя, выдерживать и проводить такое смелое предприятие. В Румынском Психоаналитическом Обществе педагогический процесс начинается без теоретической подготовки к тому, что значит быть пациентом.

С самого начала тренинга будущий кандидат, по факту являющийся анализантом, вступает в уникальные отношения — главный источник экспериментирования, опыта и прямой передачи содержаний и природы бессознательного, через взаимодействие переноса и контрпереноса.

Аналитические отношения, лежащие в основе учебного процесса, по своему определению диадны, асимметричны, в них пробуждаются неожиданно интензивные чувства, с которыми порой трудно справиться. Неудивительно, что Фрейд метафорично рекомендовал аналитику быть таким же осторожным и добросовестным, как химик, так как мало что можно считать более трудным, чем проникновение в лабиринты психики и попытку разгадать их

смысл! Неудивительно также, что психоаналитический сеттинг так строг и к нему предъявляются такие жесткие требования! Все дело в том, что сама ситуация трудная и сложная! С каждым последующим этапом обучения эмоционально все становится еще сложнее: на сцене появляются новые персонажи, развиваются ситуации, в которых задействованы первоначальные персонажи.

Заявка на статус кандидата в рамках общественного института и профессиональной группы выявляет первые противоречия, с которыми необходимо справиться: вступительные собеседования, и другие разнообразные виды деятельности, подразумевающие оценивание со стороны преподавателей, членов сообщества, будущих коллег.

Начало обучения теории, участие в семинарах вызывает новые сложные ситуации. Структура функционирования институции стремится к предотвращению искажений и заторов в аналитическом процессе, которые, тем не менее, происходят. Например, рекомендуется не посещать семинары, проводимые личным аналитиком кандидата. Существуют и другие неизбежные неудобства: в процессе теоретической подготовки кандидаты могут испытывать дискомфорт от ощущения, что они являются подопечными. Во многих случаях кандидаты отмечают, что их инфантилизируют и они чувствуют себя школьниками, тогда как они уже взрослые, многие из них социально и профессионально реализовались в жизни. И они с чувством несоответствия воспринимают эту временную роль. Общение с «однокурсниками» по психоанализу может подпитывать неожиданные чувства ревности, зависти, соперничества и/или вызывать нарциссическую боль.

Третий из столпов обучения психоаналитической клинической технике и мышлению — супервизия, также может стать источником нежелательных затруднений, которые должны быть учтены и сведены к минимуму посредством институции настолько, насколько это возможно. Сеттинг, о котором я говорила ранее, меняется: это не какой-то новый или другой личный анализ (хотя в некоторых случаях

он может становиться таковым, однако это нежелательный «съезд с рельс»). Не удивительно, таким образом, что рекомендуется продолжение личного анализа в период прохождения супервизий — по крайней мере, на первых этапах супервизирования практики.

Супервизия, как педагогический и обучающий процесс, направлена на то, чтобы супервизор и кандидат вместе разгадывали способы функционирования пациента (аналитиком которого является кандидат) и самого аналитика (кандидата), посредством определения и рефлексии переноса, контрпереноса и его слепых пятен, технических и теоретических способов понимания аналитического процесса и действия согласно технике психоанализа. В сущности, это сеттинг, определяющий новые отношения, опять таки институционализированный и оформленный в соответствии с требованиями.

Большинство психоаналитических сообществ, особенно в Европе, в том числе и Румынское Психоаналитическое Общество (RSP), неохотно вовлекают кандидатов в административную деятельность, с тем, чтобы отграничить обучение и практику от участия в деятельности Сообщества, и таким образом исключить возможные пересечения, которые возникают во время тренинга.

3. Отношения между психоаналитиками, коллегами, членами одного профессионального сообщества имеют свои особые проявления. Если не акцентировать внимание на каждом в отдельности, я бы хотела упомянуть следующие: во-первых, дискомфорт свойственный функционированию внутри сообщества, которому присущи ограничения на удовлетворение личных влечений, и следует отметить конфликт, возникающий из-за размытия индивидуальности и ее свободы в пользу группы/институции/правил.

Независимо от того действуют ли эти правила на большинство или касаются вас лично, вообще или в данной конкретной ситуации, напряжение обусловлено еще и тем, что волей-неволей психоаналитики являются частью одной большой семьи, и, как и в семье, институциональная

рамка способствует регрессии. Профессиональное товарищество, более глубокое, чем в любом другом сообществе (благодаря обмену бессознательным), подавляет значимые эмоции — некоторые из которых архаичны, другие — актуальны. Отношения между членами сообщества приобретают значение подобное инцесту / эдипову комплексу: чем более они нагружены, тем более бессознательны и менее символизированы. Также может возникнуть нарциссический тайный сговор со своим аналитиком / супервизором, неразрешенный перенос, предательство и слепые пятна, которые всплывают и отражаются в процессе личного анализа — все это может, подобно раздражающим занозам, надолго остаться и проявляться в будущем в самых неожиданных, но схожих ситуациях.

Также я упомянула бы идею, сформулированную Паоло Фонда (Paolo Fonda, 2005), относящуюся к «комплексу прародителей» и противоположному ему «комплексу Адама», на который ссылается Дзамфиреску (V. Zamfirescu, 2014, RSP). Оба этих комплекса, как возможно и другие, менее различимые и едва уловимые, неограниченно и с неожиданной силой вмешиваются в отношения, ставят под вопрос функционирование в группе и работу самой группы и порождают разногласия и столкновения по вопросу о том, что является идеальным анализом. Предполагается, что аналитик все это знает, понимает и может разрешить. Одним словом — преодолеть.

Также предполагается, что группа аналитиков — это группа равных, терпимых друг к другу мудрецов, все понимающих в себе и других. Группа, в которой исключены ошибки, по крайней мере, серьезные. Но, все не так, как должно было бы быть. Фрейд проводил анализ этих связанных с психологией личности и группы аспектов, ссылаясь на то, что влечение к разрушению и уничтожению Других находится в постоянном взаимодействии со стремлением к Эросу, соединению и объединению, «эта битва не имеет окончательного победителя» (Freud, 1932).

Аналитический сеттинг распространяется и на область институциональных рамок, и с этим трудно справиться с тех пор,

как границы между ними перестали быть строгими. Рамка функционирования группы предоставляет пространство для проявления регрессивных эдипальных конфликтов: асимметрии присущей личным отношениям, родственным связям и секретам. В равной степени сеттинг способствует подражанию, соревновательности, обмену, конструктивной конкуренции и творчеству. Как и в случае обладания любой силой, способ ее использования обусловлен целью.

4. Профессиональные отношения между психоаналитиком и гражданским обществом. Реальность, вошедшая в историю, такова, что психоанализ не получил теплого общественного приёма, несмотря на то важное влияние, которое он оказал на общество и то, что он фактически способствовал метаморфозе ментальности.

«Чума», — так описывает Фрейд влияние психоанализа, говоря о непрощительном нарциссическом оскорблении, которое он нанес, выявив тьму бессознательного и тот факт, что «мы не хозяева в собственном доме», что означало нечто большее чем беспокойный, неудобный, удивительный и освободительный процесс раскрытия самого сердца частной жизни. Это означало появление новой науки, предмета исследования, все более разрабатываемой методологии, рабочих гипотез, и в особенности все больше изменений в жизни людей. И все это — профессионально, по задумке без директивности, убеждения, злоупотреблений и оскорблений.

Фрейд понимал психоанализ как науку: наблюдение похожим образом структурированных продуктов бессознательного, с их манифестным содержанием, скрывающим и одновременно обнаруживающим латентные содержания полные смысла, что позволило ему заявить о революционной и оригинальной перспективе континуума между нормой и патологией, обыденной жизнью и ее связью с патологией. Новый подход, начавшийся с количественных, но не с качественных характеристик, привел его к концепции психоанализа как науки, в которой предметом изучения стал психический аппарат человека и его сложная структура, метод и цель.

ВЫБОР МЕЖДУ ЭРОСОМ И ТАНАТОСОМ ИЛИ ДИНАМИКА ЭРОСА/ТАНАТОСА? ПАРАДИГМА ИНСТИТУЦИИ МЕЖДУ ВЛЕЧЕНИЕМ И ПРОЦЕССОМ

Психоаналитики посвящают себя профессии, исследованию, желанию понять душу человека и помочь друг другу, поэтому они вместе.

Поставить профессию на службу человеку и обществу означает институционализировать ее. Есть аргументы и причины для установления рамок, правил, институций, в том числе мной неупомянутые. Я склона думать, что по мере нашего развития и эволюции, мы естественным образом принимаем такое положение вещей, под влиянием культуры и жизни рядом с другими — и то и другое ориентировано на расширение и увеличение союзов. И все же...

История человечества в целом и психоанализа в частности показывает те трудности, с которыми мы сталкиваемся собираясь и функционируя вместе, рядом с другим, в обществе, разделяющем одни цели, перипетии и различия.

Конфликты, соперничество, непримиримые противоречия и размыты границы являются, к сожалению, доказательством того, что даже будучи обученным понимать эту динамику, человечество остается, по словам Фрейда, «животной ордой» (Freud, 1921, p. 87).

Сущность группы в существующих в ней либидинальных узах. В «Недовольстве культурой», Фрейд говорит о внутренне присущей психике человека агрессивности, отмечая, что перед лицом этого первичного бедствия, общество постоянно находится под угрозой катастрофы. Деструктивные влечения, в паре с Эросом, «нарушают наше отношение к соседу», влечения страстей всегда сильнее рациональных интересов. Однако в отношении группы Фрейд замечает терпимость, с которой общество относится к конфликтам и конкуренции, добавляя, что «оппозиция — это не обязательно вражда; она просто неправильно используется и служит поводом» (Freud, 1932, p. 212). В организованной группе, защиты против агрессивности (порождаемые

не конкретной опасностью, в том числе реальной, а снижением эмоциональной связи между членами, как утверждал Фрейд) принимают формы бюрократии и идеологии (Kernberg, 1998).

Исаак Ньютон сказал: защищая себя «мы строим слишком много стен и недостаточно мостов». Я нахожу эту идею применимой к обсуждаемой теме.

Институтция, как любая согласованная рамка (также как в терапии и тренинге, что обсуждалось выше), означает договоренность, понимание, альянс. Уровней взаимодействия может быть множество: аффективные, когнитивные, связанные с действием, мотивационные. Существует также и множество «уровней реальности» в отношениях (Modell, 1990, p. 2): альянсы / бессознательные взаимодействия / истинные отношения. Если в отношениях терапии главным стержнем является бессознательный аспект (трансфер / контртрансфер) взаимоотношений между протагонистами, в институциональных отношениях акцент делается на реальных, сознательных, рациональных характеристиках (валентностях), отношениях взрослых людей, совместно построенных на сотрудничестве.

Такая сложность, сознательно признаваемая (членами группы, разделяющими общую профессию), или порой, наоборот, «безжалостно» принимаемая (как сказал бы J. Benjamin), может привести к тому, что «наблюдение» становится «осуждением», и тогда сообщество рискует стать скорее преследующим, чем поддерживающим (Meissner, 2006).

Взаимная идентификация членов группы — важная форма эмоциональных связей внутри групп (как упоминал Фрейд и другие после него), которая в период обучения практикуется в несимметричных в начале, но потом все более симметричных, отношениях с коллегами, может со временем создать достаточную симметрию и равенство между ними, что предотвратит «идеализацию и подчинение» третьей стороне, будь то человек или идея.

В противном случае, есть риск самоуничтожения и саморазрушения (J. Benjamin, 1995) и страдания как на индивидуальном так и на групповом уровне.

Психопатология присутствует в обыденной жизни каждого. В отношениях с другими она проявляется в борьбе за власть и соперничестве, от которых не застрахована ни одна группа, ни у кого нет к ним иммунитета, так как они первичны.

Симметричный диалог позволяет каждому человеку, занимающему место в группе и выполняющему в ней функции, отвечать с позиции, в которой понимание и щедрость являлись бы результатом возможной эмпатии.

Но как я уже говорила, это был бы / есть один из развитых, зрелых уровней взаимодействия. Не будем забывать о психической реальности, которая состоит в том, что развитие институции определяется частичным разрушением нарциссизма состоящей в ней личности. Что каждому из нас не всегда легко осознать или принять.

Колебания между любовью и ненавистью — постоянный вызов, как интрапсихически, так и (в усиленном виде) внутри группы. Даже находясь под присмотром, влечение прорывается, конфликтно или смешанно, и его не всегда легко сдерживать. Таким образом, возможно более чем в каком-либо другом сообществе, люди, вовлеченные в психоаналитические институции и психоанализ подвержены повышенному риску «возвращения в джунгли» и «токсичные» отношения, из-за сильного бессознательного сопротивления, «которого никому не избежать», из-за постоянного самоисследования, т. е. самой сути психоанализа (Waelder, 1960).

Психопатология присутствует в обыденной жизни каждого. В отношениях с другими она проявляется в борьбе за власть и соперничестве, от которых не застрахована

ни одна группа, ни у кого нет к ним иммунитета, так как они первичны.

ЕСЛИ МЫ ЧАСТЬ ПРОБЛЕМЫ, КАК МЫ СМОЖЕМ СТАТЬ ЧАСТЬЮ ЕЕ РЕШЕНИЯ?

Разрыв «психической монады» (Castoriadis, 1972) ведет к тому, что человек переходит от индивидуальной позиции к социальной. Это обязательное условие социализации психики и главное требование для основания социальных институций.

Точка зрения, которую я бы хотела обсудить не оригинальна, но представляется достаточно ценной, чтобы ее принять, и связана с темой (психоаналитической) институции и профессиональной группы.

Отправная точка в моей аргументации основана на следующих наблюдениях.

Все работы Фрейда посвящены дуалистической и конфликтной перспективе, фрейдистская теория влечений выводит на первый план, как прототип, динамику постоянного конфликта Эроса и Танатоса. Исключение составляют две концепции не построенные по принципу диады, но также являющиеся фундаментальными в работах Фрейда: Эдипов комплекс, по определению тройственный (треугольный), и представление о трех инстанциях психики (Ид, Эго, Супер-эго).

В письме «Неизбежна ли война?» Фрейд подкрепляет свои рассуждения на эту тему: «речь идет, собственно говоря, лишь о теоретическом прояснении общеизвестного противопоставления любви и ненависти — противоположность, восходящая, вероятно, к более древней полярности притяжения и отталкивания, с которой вы сталкиваетесь в вашей области. [...] Каждый из этих инстинктов так же необходим, как и его противоположность, и все явления жизни происходят из их реализации, независимо от того, действуют ли они согласованно или противоположно».

Второе утверждение, необходимое для построения перспективы обсуждаемой темы — утверждение, выдвинутое Фрейдом, согласно которому проблема не может быть решена на том же уровне, на котором возникла. Я бы также обратилась к принципу эмоционального резонанса

и ритмичности (Sandler, 2002), который Ричардс (Richards, 1999) определил как основу когерентности взаимодействий с другими и во внутреннем функционировании.

Не говоря уже о концепции Биона о «валентности», которая используется для выражения мгновенной способности объединять людей, делиться друг с другом и действовать сообща. Принимая во внимание все это, а также идею «третьей стороны», я осмелюсь сформулировать следующие соображения, сочетающие институциональную перспективу и перспективу отношений (последнюю в значении объектных отношений, или в значении обмена между двумя субъективностями).

ЯВНОЕ И / ИЛИ НЕЯВНОЕ: ИНСТИТУЦИЯ, КАК ТРЕТЬЯ СТОРОНА

Начну с упоминания точки зрения Эйзolda (Eisold), который в статье 1994 года говорит, что психоаналитики, как правило, презируют институциональную жизнь, потому что они занимаются своей практикой в одиночку и склонны к объединению со своими аналитиком и супервизором, теорией, но не с институцией», [...], «в такой ситуации расколы становятся единственным удобным решением, но любой раскол имеет личные и специфические особенности, соответствующие историческому моменту — ведь в любом случае поставлен на карту жизненно важный элемент».

Наличие внутреннего противоречия между стремлением к расколу и потребностью в объединении само по себе поддерживает либидинальный обмен и динамику, необходимые для жизнеспособного существования специалиста, особенно когда происходит постоянное чередование данных стремлений и на первый план выходит то одно, то другое. Другими словами, сохранение напряжения, возникающего из-за различий, помогает создавать символическое пространство для третьего (Kernberg, 1998). В идеале такая пара разнонаправленных сил могла бы функционировать вечно. Но их взаимозависимость скорее похожа на принудительную, каждая сила удерживает другую на ее орбите, действие, инициированное одной,

вызывает ответную реакцию у другой. И рано или поздно, это загонит нас в тупик (Mendhelsohn). Первоначальное напряжение, движущую силу этого процесса, будет невозможно наблюдать, обрабатывать, опосредовать и противоположности исчезнут.

В связи с этим мы приходим к принципу «око за око», который основан на расщеплении. Проблема тем самым «декомпенсируется». Взаимодополняющие дуальности определяют свои позиции в общей явной асимметрии, и за этим следует разрыв. Либо они находят равнозначные позиции, «зависают» как в движении на качелях с ограниченным размахом колебания, что устанавливает предел новым формам обмена и свободам.

В любой из двух ситуаций со временем неизбежно возникает необходимость найти новый баланс. Как стена тупика, разрыв или зависание, в отношениях слабая сторона будет искать решение в другом месте, независимо от того имеет ли она внутреннюю или внешнюю поддержку. В упомянутой дуальной парадигме, третья сторона всегда будет искомым «медиа-ной» равновесия, что признается многими психоаналитиками.

Относительно новое понятие (несмотря на то, что оно обнаруживается еще в работах Фрейда), «третий» (более конкретно: «аналитический третий») участник «триангуляции» и пространства, в теории широко рассматривался как «объект» или как новый элемент отношений, существующий в символическом регистре. Он способен сам по себе создавать дополнительное информационное содержание, которое необходимо для выхода из инфляции, порождаемой дуальностью. Призванная «третья сторона», создавшая новое пространство триангуляции, оставляет место для «шага в сторону» от сдерживающих сил, обусловленных двойственностью несбалансированных влечений: монополизированных, обособляющих, интимных и глубоко эмоциональных. Если, как отмечает Эйзольд (Eisold, 1994), «факт обособленности на уровне индивидуальной психопатологии приводит к отторжению реальности [...], на групповом уровне

происходит разрушение сообщества». Триангулярное пространство дает пространство для мышления, возможность ментализации, возникающих не из непреклонного абсолюта, синтетически и довольно грубо формулируемого как «Я-Ты» («I-You»).

Третья сторона открывает новую перспективу, означающую новый уровень свободы, значительно менее диктаторский, чем прежний. Пирс (Pierce, 1931), которого Грин цитирует в своей статье 2004 г, определяет эту третью позицию как изменение порядка, так как только из перспективы третьего могут появиться новые смыслы и обдуманы новые обобщения.

Фрейд говорит о «смещении либидо», которое допускает наш психический аппарат, и благодаря которому его функционирование приобретает гибкость. Сместить внешние инстинктивные цели с тем, чтобы они не были фрустрированы, означает включить зрелые психические процессы и соответствующие им защитные механизмы (сублимация).

Опираясь на эти высказывания, я попытаюсь изложить свою точку зрения по данной теме: независимо от того, принадлежим мы или нет к какой-либо идеологии, все мы совершаем открытия и приобретаем знания в большом приключении нашей жизни. Это глубоко личный, индивидуальный и уникальный процесс.

Внутренние импульсы, которые толкают нас к нему, также неумолимо, подобно колебаниям маятника, влекут нас в другую сторону, где мы встречаем другого индивида, похожего на нас, но иного, и он становится репрезентацией «ближнего горизонта», который может быть достигнут в жизни полной неизвестности.

Если мы поддерживаем парадигму Эроса, который влечет нас к «эмоциональным связям», задавая движение к «Другому, отличному от нас», то движение в сторону идентификации себя с другими будет иметь тенденцию подниматься до верхних пределов боли, которая порождается сильным слиянием с другими в пространстве Я-Ты. Тревога потери Ид (Танатос) вернет нас обратно к нашему собственному Ид, обновленному и благодаря этому снова

желанному, на некоторое время. Поэтому движение любви между Я-Ты, колеблется между двумя психическими процессами: эмпатией к другому и саморефлексией.

Я не рассматриваю это колебательное движение как созданное/центрированное/поддерживаемое извне (неважно насколько далеко они отойдут от возможной точки опоры). Мне такое колебание представляется как самогенерирующееся и самосохраняющееся в обмене между Я-Ты, той самой третьей стороной, необходимой для динамики без декомпенсации, присутствующей в способности субъекта (и его процессов) быть внутренне текучим и не сдерживать себя, не быть «приклеенным» к какому-либо состоянию или объекту, который заикливает процесс в петлю.

Насколько я понимаю, это то, что Джессика Бенджамин (Jessica Benjamin, 2004) называла «зрелым третьим», «третьим в одном». Я также думаю, что озабоченность Фрейда процессом, а не его содержанием тоже относится к этому явлению (Richards, 1999). На мой взгляд, это могло бы стать желаемым горизонтом развития в работе психоаналитиков, разделяющих общие научные и терапевтические цели. «Третий» представляет собой высшую способность ума (Green, 2004) и служит посредником между Я-Ты, без исключений — единственный применимый третий, по определению лишь тот, который может быть разделен обеими сторонами.

Следовательно, необходимой предпосылкой для появления «третьего» является реальность континуума Я-Ты. Этот процесс представляет собой выход из «центра субъективности Я» в равнозначный «центр субъективности Ты» в поисках удовлетворения влечения, которому покровительствует Эрос, присутствующий во врожденном либидо. Он (процесс) основан на любознательности и способности индивида к сотрудничеству («валентности») и запускает идентификацию с обнаруженным в своей субъективности Другим. Идентификация осуществляется на пределе боли от потери собственной идентичности, с последующим восстанавливающим нарциссизм возвратом к Ид, интроекцией, результатом чего становится отделение от Другого.

Необходимой предпосылкой для появления «третьего» является реальность континуума Я-Ты. Этот процесс представляет собой выход из «центра субъективности Я» в равнозначный «центр субъективности Ты» в поисках удовлетворения влечения, которому покровительствует Эрос, присутствующий во врожденном либидо.

Затем процесс, который можно представить в виде спирали, неизменный с точки зрения динамики, но содержащий отличное от предыдущего сознание идентичности, повторяется.

Процесс может быть довольно активным, если происходит между двумя субъективностями и еще более активным, если они равны между собой с точки зрения психической зрелости.

Я думаю, это основа гражданских ценностей, выраженных в желании понимать/помогать/делиться и участвовать в группе: каждый достаточно слит с другим или со значительным количеством Других, чтобы эмпатия имела не только теоретический, но и «органический» смысл (Freud, 1932, p.217).

Во взаимодействии с Другим имеет значение интрапсихическая позиция в обсуждаемой парадигме. Опознаваемый в производной функции (аналитический сеттинг, отношения с коллегами и гражданским обществом) «третий» может также рассматриваться как имплицитный (не явный), как предполагаемый интерсубъективной перспективой, то есть не как пространство/

объект, фиксированный в определенном содержании (каким бы оно ни было), но в самом течении либидо, обладающем динамической способностью к «устремлению». Моя гипотеза состоит в том, что настройка эксплицитного (явного) уровня (относящегося к объекту) с имплицитным (относящимся к процессу) в репрезентации третьего, транспонированная в контексте психоаналитического универсума, могла бы изменить парадигму рамки функционирования группы.

Напомню, что Эйзольд (Eisold, 1998) сказал, когда говорил о профессиональном авторитете психоанализа и психоаналитиков: «он может быть основан не столько на том, что мы думаем и говорим, сколько на том, что знаем. И не столько на знаниях, которые мы освоили, сколько на нашей способности не знать, и не понимать и на нашей желании думать иррационально». Но когда мы это делаем, заключает он, «мы должны быть готовы взглянуть на нашу собственную институтцию иррационально и работать над восстановлением нашего сообщества».

Способность быть эмпатично любопытными и готовыми к саморефлексии оставляет пространство для открытой системы, пребывающей в трансформации, живой и динамичной. И за это каждый из нас несет ответственность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как упоминалось выше, психоаналитическая клиническая практика существенно отличается от любой другой психотерапевтической практики строгостью правил. Это не было самоцелью, но следствием, напрямую вытекающим из особенности аналитических отношений, как и самого психоанализа. Во всем мире психоаналитики следят за тем, чтобы эти строгие правила были поняты и приняты каждым из них. И это не про догму, но про рациональность, и я бы даже сказала, научность. Только хорошо выстроенная внутренняя и внешняя рамка и ее правильное поддержание превращают работу с неосознанными, смутными психическими силами в профессиональную и поддающуюся качественной оценке деятельность.

Нынешнее непринятие психоанализа другими методами психотерапии основано на том, что ему приписывается малое количество научных исследований о результатах. Но это не означает, что таких результатов не существует или они не могут стать предметом научного исследования. Исследования пока просто не были сделаны, хотя, несомненно, нашли бы свое применение и, я смею думать, без сомнений будут сделаны в будущем.

Я согласна с изложенными в литературе мнениями (Kernberg, Francois-Poncet, Green и др.), что психоанализ способен обрести свою клиническую, педагогическую и институциональную зрелость как наука: то, что в самом начале мыслилось как новая наука, часто воспринималось и практиковалось как искусство, как исследовательская лаборатория... и оно должно сделать шаг в зрелость навстречу к научным горизонтам.

Психоаналитическая институция (насколько это возможно) должна освободиться от магии, политики, и эмоционального возбуждения, с тем, чтобы в высшей степени приобрести природу, соответствующую его роли в передаче знаний и практики.

Свобода имеет смысл, когда помещена в четкие рамки, чтобы не превратиться в хаос под властью сил мощных и трудно сдерживаемых. На деле, в каждом отдельном случае психоанализа свободные ассоциации дают полную свободу, личную и уникальную. Не будем забывать, однако, что эта свобода имеет заранее установленный гарант — сеттинг. Если, полагаясь на Фрейда и наш практический опыт, разница между нашей практикой и повседневностью лишь количественная, то мы можем передавать психоанализ как профессию и как науку посредством институции, которая станет областью контакта и взаимодействия клинической практики и мира, т.е. чисто научным институтом.

Я бы сравнила эффект, который произвели открытия современной физики на классическую физику Ньютона, с изменениями в мировоззрении человека, которое принесло постулирование бессознательного в психике человека, предложенное Фрейдом и положенное в основу

психоаналитического подхода к клинике и культуре.

Благодаря первым произошла революция в представлениях человечества о внешней Вселенной, а благодаря вторым изменились представления о внутренней, психической.

Несмотря на множественные сопротивления и колебания, неоднозначные смешения реальностей, между которыми границы порой оказываются лишними, если бы не открытие бессознательного, представления о мире были бы другими, и мы были бы другими.

Чтобы иметь возможность донести до вас эти размышления, и чтобы я, мои коллеги и наши гости могли внести в это свой вклад, я воспользовалась поддержкой профессиональной институции — Румынского Психоаналитического Сообщества. ■

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ALEXANDROV, H., CHICHEK, R. (2005). Pathological Consequences of Abused Socialism. *Organ. Soc. Dyn.* 5:91-110.
2. ARNOLD, D.R. (1999). A. A. Brill and the Politics of Exclusion. *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 47:9-28.
3. BERNFELD, S. (1962). On Psychoanalytic Training. *Psychoanal. Q.* 31:453-482.
4. BENJAMIN, J. (2004). Beyond Doer and Done to: An Intersubjective View of Thirdness. *Psychanal. Q.* 73:5-46.
5. BION, W.R. (1961). *Experiences in Groups and Other Papers.* London. Tavistock. pp. 98-115, 166-190.
6. EISENBERG, A.M. (1997). Institutional Countertransference: The Matrix of Social Structure and Psychic Structure. *J. Amer. Acad. Psychoanal.*, 25:237-254.
7. EISOLD, K. (1994). The Intolerance of Diversity in Psychoanalytic Institutes. *Int. J. Psycho-Anal.* 75:785-800.
8. EISOLD, K. (1998). The Splitting of the New York Psychoanalytic Society and the Construction of Psychoanalytic Authority. *Int. J. Psycho-Anal.* 79:871-885.
9. FONDA, P. (2005). The progenitor's syndrome. Paper sent to PEEIs members on the occasion of New Year.
10. FRANÇOIS-PONCET, C.M. (2006). Une

- institution peut-elle être psychanalytique? *Rev. Fr. Psychanal.* 2006/4 Vol. 70, p. 1003-1013.
11. FREUD, S. (1913). Totem and Taboo. *SE*, vol.XIII, pp.100-161.
  12. FREUD, S. (1915). Observations on Transference-Love. *SE*, vol.XII, p.151-171.
  13. FREUD, S. (1921). Group Psychology and Other Works. *SE*, vol. XVIII, pp 65-144.
  14. FREUD, (1930 [1929]). Civilization and its discontents. *SE*, vol. XXI, pp.59-63.
  15. FREUD, S. (1933 [1932]). Why war? *SE*, vol. XXII, pp. 203-218.
  16. GREEN, A. (2004). Thirdness and Psychoanalytic Concepts. *Psychoanal Q.*, 73:99-135.
  17. JURGE, R. (2004). Hate and Love in Psychoanalytical Institutions. The dilemma of a Profession. Other press, New York. 108 The institution — the necessary third party that changes the paradigm of the functioning framework in the professional group
  18. KERNBERG, O.F. (1998). Ideology, Conflict and Leadership in Groups and Organizations. *Yale University Press.* p.25-44, 107-110, 224-261.
  19. KERNBERG, O.F. (2006). Le divan à la mer: la psychanalyse des organisations, *Revue française de psychanalyse.* No. 4 Vol. 70, p. 919-932.
  20. KERNBERG, O.F. (2010). A New Organization of Psychoanalytic Education. *Psychoanal. Rev.* 97:997-1020.
  21. KERNBERG, O.F. (2010). A New Organization of Psychoanalytic Education. *Psychoanal. Rev.* 97:997-1020.
  22. KERNBERG, O.F. (2004). Discussion: Problems of Power in Psychoanalytic Institutions. *Psychoanal. Inq.* 24:106-121.
  23. LEVINE, F.J. (2003). The Forbidden Quest and Slippery Spole: Roots of Authoritarianism in Psychoanalysis. *J. Amer. Psychoanal. Assn.* 51S:203-245.
  24. MEISSNER, W.W. (2006). Finding and Refinding the Therapeutic Alliance: On Thinling and Thirds. *J. Amer. Acad. Psychoanal.* 34:651-678.
  25. MODELL, A.H. (1990). Other times, other realities: Tward a theory of psychoanalytic treatment. Cambridge, MA: Harvard University Press.
  26. OGDEN, T.H. (1994). The Analytic Third: Working with Intersubjective Clinical Facts. *Int. J. Psychanal.* 75:3-19.
  27. OGDEN, T.H. (2005). Le tiers analytique: les implications pour la théorie et la technique psychanalytique. *Rev. Fr. Psychanal.* 2005/3 Vol. 69, p. 751-774.
  28. RIBAS, D. (2006). Institution thérapeutique, sclérose des institutions: quels destins pulsionnels? Un désaccord avec Benno Rosenberg. *Rev. Fr.Psychanal.* 2006/4 Vol. 70, p. 1109-1123.
  29. ROTHSTEIN, A. (1980). Psychoanalytic Paradigms and their Investment. *J.Amer. Psychoanal. Assn.* 28:385-395.
  30. SANDER, L. (2002). Thinking differently: principles of process in living systems and the specificity of being known. *Psychoanal.Dial.* 12(1):1142.
  31. SEMI, A.A. (2006). Filiation, développement théorique, éclipse de l'individu. *Rev. Fr. Psychanal.*, 2006/4 Vol. 70, p. 987-1002.
  32. SHER, M. (2009). Splits, Extrusion and Integration: The Impact of «Potential Space» for Group Relations and Sponsoring Institutions. *Organ. Soc. Dyn.* 9:138-154.
  33. WAELDER, R. (1960). *Basic Theory of Psychoanalysis.* New York: International Universities Press.